

Годъ изданія девятый.

НОЯБРЬ.

№ 2.

1915.

XVI 45
10

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

МЕЧТЫ (стих.).
РАЗСКАЗЪ СЛОНА.
УЖЪ РАМЫ ВСТАВИЛИ... (стих.).
БЕЗЪ МАТЕРИ (повѣсть).
ЛАБИРИНТЪ.
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Паровозъ и тендеръ (для склеиванія).
Ходьба по канату (игра).

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Ахъ, какъ вкусно!

М Е Ч Т Ы.

Стоить осенняя пора,
 Льетъ дождь, ползуть по небу
 ключья,
 Проснешься въ семь часовъ утра,
 А кажется, какъ-будто ночью...
 И видишь—няня со свѣчей
 Сидить, поднявшись спозаранку,
 И въ полутьмѣ своей иглой
 Заплатку ставитъ наизнанку.
 И такъ захочется вдругъ
 въ садъ!

Такъ и помчался-бы съ разбѣгу!
 Но... лужи тамъ теперь стоятъ
 И кучки выпавшаго снѣгу,
 Ну вотъ куда теперь пойдешь?
 А дни такъ тянутся уныло
 И только тѣмъ лишь и живешь,
 Что вспомнишь то, что было.

Съ полудня — ночь... Такъ много
 тьмы,
 Такъ утромъ поздно разсвѣтаетъ!
 И, какъ нарочно, нѣтъ зимы:—
 Снѣгъ выпадетъ и снова таетъ.
 Что день,—то пасмурнѣй, темнѣй
 И солнышко все ниже, ниже...
 И только то бодрить дѣтей,
 Что съ каждыѣмъ днемъ все къ
 елкѣ ближе.

И вотъ, усѣвшись на диванъ,
 Мечтаютъ дѣти втихомолку
 О томъ, какъ папа и Иванъ
 Внесутъ вдругъ свѣженькую елку,
 И какъ ихъ въ дѣтскую запрутъ,
 Какъ мама елкою займется
 И какъ потомъ ихъ позовутъ...
 И сердце ихъ отъ счастья бьется.

Кузнечикъ.

ВЪ ЗВѢРИНЦѢ.

I. Разсказъ слона.

Ночь. Звѣринецъ опустѣлъ. Огни уже погашены, игравшая цѣлый день музыка смолкла и праздная, многоголовая толпа зрителей уже разошлась по домамъ. Слышны вздохи звѣрей, томящихся въ клѣткахъ, и иногда, въ темнотѣ, точно зеленоватыя искры, свѣтятся глаза тигровъ и львовъ.

Тяжелѣе всѣхъ вздыхаетъ слонъ.

— О чемъ ты такъ тоскуешь? обращается къ нему жирафъ.—

Своими вздохами ты мѣшаешь мнѣ спать! И такъ усталъ за день!

— Ничего, ничего, отвѣчаетъ слонъ.—Прости! Это я такъ... Спи спокойно! Я больше не буду. Что-то вдругъ вспомнилось о родинѣ!

Жирафъ тоже въ свою очередь глубоко вздыхаетъ.

— Я тоже часто вспоминаю о своей милой Африкѣ! съ грустью отвѣчаетъ онъ.—Но что подѣ-

лаешь? Тамъ теперь тепло, свѣтитъ солнышко, а здѣсь, слышишь, какъ завываетъ метель? Ты гдѣ родился?

— Въ Индіи.. хмуро отвѣчаетъ слонъ.— Но вѣдь ты хочешь спать! А то я могъ бы тебѣ рассказать кое-что интересное. У меня безсонница и зябнуть ноги.. Я не знаю, чѣмъ ихъ согрѣть...

Мяукаетъ дикая кошка, тяжело кашляетъ обезьяна, и въ звѣринцѣ снова наступаетъ сравнительная тишина. Только слышно, какъ въ щели съ завываніемъ дуетъ вѣтеръ, и скрипитъ подъ ногами у прохожихъ снѣгъ.

— Должно быть, и я не засну! восклицаетъ вдругъ жирафъ.— Отъ музыки у меня болитъ голова... Кромѣ того, я все еще никакъ не могу до сихъ поръ привыкнуть къ тому, что около меня сидитъ въ клеткѣ левъ; я боюсь его и дрожу. Расскажи мнѣ что-нибудь!

Слонъ топчется на мѣстѣ, чтобы согрѣть озябшія ноги, стребаетъ хоботомъ вокругъ нихъ остатки соломы и начинаетъ:—

— Я родился на островѣ Цейлонѣ.—Лучше его нѣтъ на всемъ свѣтѣ ни одного. На немъ никогда не бываетъ зимы, и растительность тамъ такая, о какой даже люди не смѣютъ мечтать. Тропическіе лѣса съ удивительными деревьями тянутся тамъ на цѣлыя версты, съ вѣтки на вѣтку перелетаютъ тамъ зеленые и красные попугаи и повсюду прыгаютъ ве-

селыя обезьяны. Сочные плоды свѣшиваются тамъ съ вѣтвей и стоитъ только поднять кверху хоботъ, чтобы сорвать ихъ и съѣсть. Когда взберешься, бывало, на высокія горы, заходящія за облака, то со всѣхъ сторонъ виденъ бываетъ безбрежный Индійскій океанъ, а вдаль на сѣверѣ синѣютъ берега Индостана.

Я былъ первымъ ребенкомъ у моей матери. Я родился у нея тогда, когда ей было всего только 18 лѣтъ. Съ перваго же момента моего появленія на свѣтъ, я уже прочно всталъ на ноги и уже въ первый день могъ свободно ходить за своей матерью. Мы, слонята, всегда бѣгаемъ подъ брюхомъ у нашей матери, и если идетъ она, то идемъ и мы, если бѣжитъ она,—то бѣжимъ и мы. Иногда случается, что мать больно отдавликаетъ намъ пятки, но это ничего, это скоро проходитъ. Я сосалъ свою мать ровно полгода, затѣмъ сталъ прикармливаться травкой, а къ концу перваго года окончательно перешелъ на траву.

Подъ наблюденіемъ родителей мы растемъ цѣлые шесть лѣтъ и строго придерживаемся родства: мы ходимъ только семействами, а не стадами, такъ что если кто-нибудь увидѣлъ-бы насъ въ большомъ количествѣ, то это значило-бы, что все это одна семья. Трудно представить себѣ, до чего красиво, когда вся семья идетъ на пастбище или на водопой. Мы всѣ

вытягиваемся въ одну линію, при чемъ впереди всегда идетъ самый старшій изъ насъ и позади самый младшій. Мы строго уважаемъ старшинство.

Я горячо любилъ свою мать. Она меня тоже баловала. Баловала меня и бабушка. Наша семья состояла изъ шестнадцати слоновъ и всѣ меня, какъ самага младшаго, любили. Для меня срывались самыя вкусныя и сочныя плоды, бабушка нащипывала мнѣ своимъ хоботомъ такой вкусной травки, какой я съ тѣхъ поръ не ѣлъ никогда, и клала мнѣ въ ротъ уже разгрызенныя орѣшки.

— Развѣ такимъ неуклюжимъ хоботомъ можно поднять съ полу орѣшекъ? недоувѣрчиво спросилъ жирафъ.

— О, ты не знаешь устройства нашего хобота! продолжалъ слонъ. — Онъ такъ нѣженъ, такъ чувствителенъ, какъ у человѣка языкъ. Этимъ отросткомъ на концѣ хобота мы осязаемъ даже самыя мельчайшія вещи гораздо лучше, чѣмъ слѣпой человѣкъ это дѣлаетъ своими пальцами. Внутри нашъ хоботъ состоитъ изъ двухъ трубъ, черезъ которыя мы нюхаемъ и въ которыя набираемъ воды, когда захотимъ пить. Наше обоняніе таково, что мы чувствуемъ приближеніе врага за полъ-версты. Но чтобы ты имѣлъ понятіе, на какую тонкую работу бываетъ способенъ нашъ хоботъ, я расскажу

тебѣ сейчасъ два случая изъ моей жизни. Попавшись къ людямъ, я долженъ былъ исполнять на нихъ всякія работы и перевозить тяжести. Мой проводникъ былъ человѣкъ больной, часто кашлялъ и принималъ какія-то пилюли. Однажды неосторожнымъ движеніемъ хобота я нечаянно выбилъ у него изъ рукъ коробочку съ пилюлями въ то время, когда онъ готовился ихъ принимать, и всѣ онѣ разсыпались по густой травѣ. Я видѣлъ, какъ опечалилось вдругъ лицо моего проводника, и мнѣ стало его жалъ. Я поднялъ съ земли коробочку и вотъ этимъ самымъ моимъ хоботомъ подобралъ въ травѣ всѣ до единой пилюли, сложилъ ихъ въ коробочку и, какъ ни въ чемъ не бывало, сунулъ ему ее въ жилетный карманъ. Въ другой разъ, когда я былъ уже въ этомъ самомъ звѣринцѣ, ко мнѣ подошелъ какой-то негодяй и, желая посмѣяться надо мной, закаталъ въ хлѣбъ иголку и далъ мнѣ ее съѣсть. Ничего не подозревая, я взялъ отъ него хоботомъ этотъ хлѣбъ и понесъ его къ себѣ въ ротъ. Почувствовавъ вдругъ на языкѣ боль, я выплюнулъ иголку на полъ и видѣлъ, какъ она сверкнула въ соломѣ и смѣшалась подъ ней съ пескомъ. Тогда, чтобы наказать этого негодяя, я розыскалъ хоботомъ эту иголку въ пескѣ и, улучивъ моментъ, такъ укололъ ею въ спину мастерового, что онъ

подпрыгнулъ чуть не до потолка. Но буду продолжать о моемъ дѣтствѣ.

Мы переходили съ мѣста на мѣсто по мѣрѣ того, какъ уменьшался нашъ кормъ. Часто, завидѣвъ насъ, обезьяны поднимали въ вершинахъ деревьевъ цѣлые скандалы и бросали въ насъ апельсинами, лимонами и бананами. Мой дѣдушка, какъ старшій въ родѣ, служилъ намъ вожакомъ. Онъ вырывалъ съ корнемъ попадавшіяся ему на пути молодыя деревья, отбрасывалъ ихъ въ стороны, ему помогали въ этомъ мои дяди и тетки, такъ что я и мать шли уже по гладкой дорогѣ. Вообще когда мы куда-нибудь идемъ, то позади насъ всегда остается хорошая, утопанная дорога. Мы помогаемъ въ этомъ людямъ. Когда мы прокладываемъ себѣ такую дорогу, то обыкновенно поднимаемъ такой шумъ и трескъ, что попугаи цѣлыми стаями слетаютъ въ страхѣ съ деревьевъ и кружатся по сторонамъ.

— Тебѣ сейчасъ придется потрудиться, сказала мнѣ однажды моя мать.—Вся наша семья пойдетъ сейчасъ на озеро купаться, а оно лежитъ внизу, у подножія горы. Намъ придется спускаться съ крутизны.

И дѣйствительно, дѣдушка подвелъ насъ къ самому краю горы. Я взглянулъ внизъ и у меня чуть не закружилась голова. Подъ на-

ми почти отвѣсно спускалась гора, внизу, у ея подошвы, сверкало бирюзовое озеро и вокругъ него росли очаровательныя тропическія деревья.

— Какъ же мы будемъ спускаться? въ страхѣ и удивленіи спросилъ я у матери.

— А вотъ гляди, что будетъ сейчасъ дѣлать дѣдушка, отвѣтила мнѣ мать,—и старайся во всемъ ему подражать.

Дойдя до края стремнины, мой дѣдушка легъ на брюхо, вытянулъ впередъ переднія ноги и назадъ заднія и сталъ медленно спускаться на животѣ внизъ. За нимъ последовали точно такимъ же способомъ оба мои дяди, потомъ тети и наконецъ и я съ матерью. Одинъ разъ я потерялъ равновѣсіе и покатился внизъ уже какъ мячъ, но къ счастью, меня удержалъ своимъ хоботомъ дѣдушка, который въ это время находился уже далеко внизу. Говорятъ, что многіе слоны, спускаясь съ горъ, часто катятся внизъ, какъ мячи, и разбиваются на смерть. Все зависитъ отъ умѣнія вожака найти удобное мѣсто для такого спуска.

Мы пришли къ озеру въ самый полдень, когда была неумолимая жара. Насъ окружили со всѣхъ сторонъ мухи, которыя назойливо лѣзли намъ къ хоботамъ и въ глаза. Хоботъ и около глазъ—у насъ самыя чувствительныя мѣста и мы не переносимъ, когда въ нихъ жа-

лять мухи. На всѣхъ прочихъ мѣстахъ у насъ такая толстая кожа, что ее даже не прокусить змѣя. Чтобы избавиться отъ мухъ, мы сорвали съ деревьевъ большія вѣтки и такъ и шли дальше, обмахиваясь ими, какъ вѣрами. Это было очень красивое зрѣлище. Впереди всѣхъ шествовалъ мой дѣдушка, чуть не съ цѣлымъ деревомъ въ хоботѣ, которымъ онъ помахивалъ туда и сюда, а позади плелась моя мать и подъ нею я — съ маленькими вѣтками цвѣтущихъ померанцевъ. Мы обмахивались ими, и цвѣты съ нихъ осыпались къ намъ на спины и на широкіе лбы.

Дойдя до озера, вся наша семья вошла въ него по шею и стала купаться.

— Подожди на берегу, сказала мнѣ мать.

Я стоялъ и съ завистью глядѣлъ, какъ купалась наша семья. Мои родственники и мать плавали, ныряли, брали хоботами воду и пускали на себя цѣлые фонтаны, или же, высоко поднявъ хоботы кверху, ложились на дно такъ, что на поверхности озера видны были одни только кончики хоботовъ, черезъ которые они дышали. Наигравшись достаточно въ водѣ, моя мать вылѣзла на берегъ, обхватила меня хоботомъ вокругъ тѣла и снова вошла въ озеро и стала меня окутать въ воду. Подплылъ дѣдушка и сталъ со всѣхъ сторонъ пускать въ меня изъ хо-

бота фонтаны. Затѣмъ мы всѣ вышли на берегъ и долго лежали на пескѣ, вытянувъ заднія ноги назадъ.

— То-есть, какъ это „назадъ“? спросилъ стоявшій невдалекѣ кенгуру, тоже прислушивавшійся къ разсказу слона.

— Мы — единственные животныя во всемъ свѣтѣ, отвѣтилъ слонъ, — которыя, ложась на землю, вытягиваютъ заднія ноги назадъ. Если бы мы вытягивали ихъ впередъ, т. е. подъ себя, то благодаря нашей тяжести, мы такъ бы наваливались на нихъ, что уже не могли бы подняться съ земли и такъ бы и оставались лежать на нихъ всегда. Но ты слушай меня и не перебивай. Когда мы такъ лежали на берегу, мой дѣдушка вдругъ издалъ черезъ хоботъ короткій, рѣзкій звукъ. Это означало испугъ. Мы всѣ вскочили на ноги.

— Тамъ, должно быть, чело-вѣкъ! шепнулъ онъ и указалъ движеніемъ уха въ сторону пальмоваго лѣса.

— Гдѣ? Гдѣ? спросили мы всѣ.

— Развѣ я могу точно указать вамъ, гдѣ именно? отвѣтилъ дѣдушка. — Если бы у насъ были хорошіе глаза, то я увидѣлъ бы все сейчасъ. Но зрѣніе у насъ, слоновъ, плохое и потому мы чуемъ все только обоняніемъ и слухомъ. Я слышу, что тамъ шевелится именно чело-вѣкъ, и слышу его запахъ! Бѣжимъ скорѣе отсюда прочь!

Мы вытянулись въ линію по старшинству лѣтъ и помчались, куда глядѣли наши глаза. Ужасъ обуялъ всей нашей семьей. Мы бѣжали такъ часа два или три, сами не зная, куда, и намъ было стыдно, что мы, такія громадныя, сильныя животныя, были такъ трусливы.

Вечеромъ мы остановились на ночлегъ въ довольно пустынномъ мѣстѣ, голомъ и каменистомъ, какихъ я не видалъ еще никогда. Я все еще былъ напуганъ и, забившись матери подъ брюхо, никакъ не могъ уснуть. Настала ночь. Я видѣлъ, что не могла уснуть и мать. Кругомъ слышны были какіе-то странные голоса и шипѣнье.

— Это ревутъ леопарды и тигры, сказала моя мать, — а шипятъ ядовитыя змѣи. Намъ не страшны змѣи, но леопардовъ я боюсь.

Блестали звѣзды на небѣ, а въ это время невдалекѣ отъ насъ мелькали зеленоватые огоньки: это были глаза леопарда, подбиравагося къ нашему стаду.

— Если онъ схватитъ тебя за хоботъ и оторветъ его, сказала мнѣ мать, — то ты на всю жизнь погибъ. Безъ хобота слонъ — ничто, потому что ему нечѣмъ безъ него ѣсть и пить и онъ погибаетъ отъ голода и жажды. Поэтому — берегись!

Но въ это время зеленые глаза засвѣтились ярче, изъ-за скалы вдругъ выскочилъ громадный лео-

пардъ и бросился съ яростью на мою мать. Но къ ней подбѣжалъ мой дѣдъ, схватилъ леопарда хоботомъ поперекъ его тѣла, бросилъ его на землю и закололъ его тутъ же своими клыками. Затѣмъ вся наша семья въ ужасѣ помчалась вразсыпную въ разныя стороны. Я бѣжалъ съ матерью, но уже не подъ ней, а сбоку ея, и оба мы уже отбились отъ нашего вожака и теперь не знали, что дѣлать и куда направить свой путь.

— Теперь мы погибли! говорила мнѣ мать. — Если намъ не удастся найти нашихъ родныхъ, то намъ не выбраться изъ этой дикой страны. Побѣжимъ, насколько хватитъ нашихъ силъ!

И мы все бѣжали и бѣжали, сами не зная куда, и вступили, наконецъ, въ какой-то громадный незнакомый лѣсъ.

Свѣтало. Звѣзды меркли и гасли, и въ лѣсу стала пробуждаться жизнь. Залетали попугаи, зашумѣли обезьяны на вершинахъ деревьевъ и закричали птицы. Мнѣ и матери очень хотѣлось пить и мы брели усталые по лѣсу, и то и дѣло вытягивали впередъ хоботы, чтобы почуять ими воду. Какъ вдругъ случилось нѣчто неожиданное. Земля подо мной вдругъ поколебалась, трава и хворостъ провалилась подъ моими ногами и я всею своею тяжестью провалился въ глубокую яму.

— Куда ты? Куда ты? закрича-

Палець обрѣзаль.

Ссopa.

ла мнѣ мать и хотѣла меня поддерживать, но было уже поздно.

Я лежалъ уже въ ямѣ на днѣ. Это былъ конецъ моей свободѣ.

— Что же это была за яма? спросилъ у слона жирафъ.

— Эту яму выкопалъ въ лѣсу человекъ нарочно, продолжалъ слонъ, — чтобы въ нее попался кто-нибудь изъ насъ. Онъ укрылъ ее сверху хвостомъ и травой, такъ что совсѣмъ не было замѣтно, и вотъ я ступилъ на то мѣсто и провалился внизъ. Вокругъ ямы бѣгала въ тревогѣ моя несчастная мать, но она уже не могла сдѣлать ничего. Бѣдняжка, она срывала хоботомъ траву и бросала ее мнѣ въ яму, чтобы я былъ сытъ, она гдѣ-то достала воды, принесла ея полный хоботъ и перелила ее въ мой ротъ, она бросала мнѣ въ яму цѣлые стволы деревьевъ, чтобы я могъ выбраться по нимъ наверхъ, но все было напрасно. Черезъ двое сутокъ къ ямѣ пришли люди. Они связали мою мать цѣпями, а меня на ремняхъ вытащили изъ ямы наверхъ.

— Хорошій будетъ слонъ! говорили они про меня.— Онъ будетъ стоить тысячу піастровъ!

Затѣмъ они привязали мою мать цѣпями къ двумъ другимъ, уже ручнымъ, слонамъ и куда-то ее повели. Я жался къ матери, боялся отъ нея отстать, и ручной слонъ, чтобы я не посмѣлъ убѣжать, то и дѣло придерживалъ меня своимъ хоботомъ.

Насъ привели въ большое селеніе, находившееся на самомъ берегу океана, и тотчасъ же разлучили. Мать куда-то увели, а меня, сироту, стали приучать къ исполненію разныхъ работъ. Мы,—слоны, — кроткія и терпѣливыя животныя и потому безъ всякихъ возраженій я исполнялъ все то, что отъ меня требовали.

Первой моей отвѣтственной работой было ухаживаніе за ребенкомъ. У моего хозяина была дочь—дѣвочка, прелестное черномазенькое дитя около двухъ лѣтъ. Звали ее Нури. Она бѣгала по всему селенію одна, и я всюду долженъ былъ слѣдовать за нею и слѣдить, чтобы она не упала въ воду или не свалилась съ высокаго берега внизъ на камни, или же, сорвавъ листь банана, долженъ былъ обмахивать имъ съ нея надождавшихъ мухъ, когда она спала. И все это я исполнялъ съ усердіемъ самой лучшей няньки. Однажды ея отецъ пріѣхалъ изъ города и привезъ ей отличную англійскую коляску на рессорахъ, въ которой обыкновенно и здѣсь катаютъ няньки своихъ дѣтей по бульвару. Для меня это было цѣлымъ торжествомъ. Я бралъ дѣвочку въ хоботъ, усаживалъ ее въ коляску и каждый день каталъ ее по селенію вдоль морского берега.

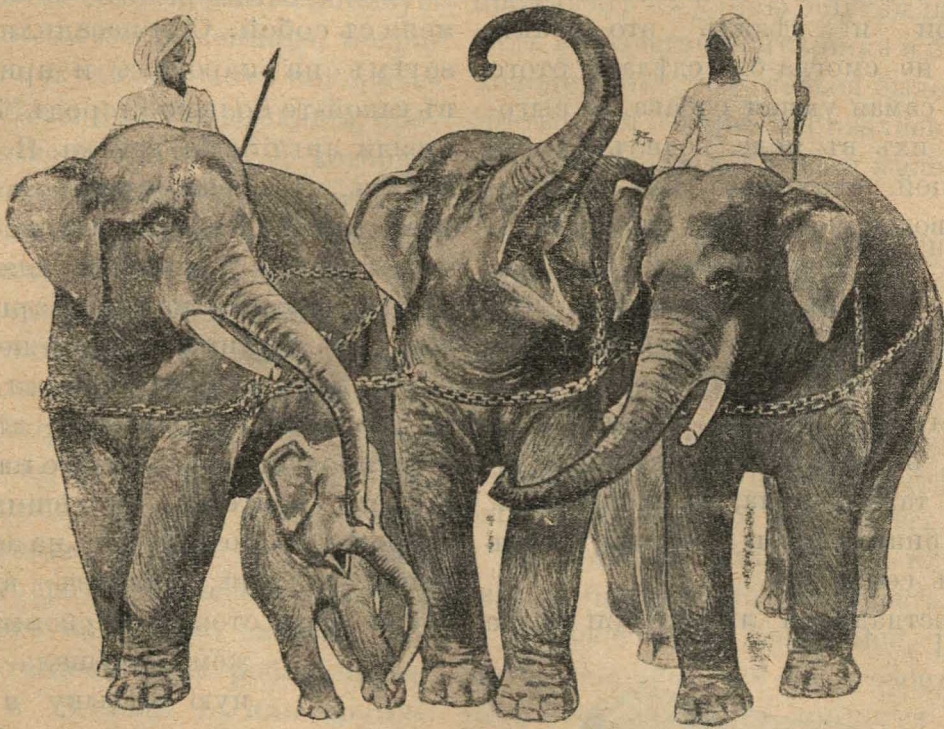
— А славная у Джури нянька! говорили прохожіе, съ завистью поглядывая на меня.

Когда дѣвочка выросла, я сталъ

пахать землю, молотить и исполнять всякія домашнія работы. Я молотилъ кукурузу, возилъ тяжести, таскалъ бревна и даже стиралъ бѣлье. Каждый день ко мнѣ приходила Нури и ласкала меня. Она была теперь уже дѣвушкой—невѣстой и любила меня и это

— Биджи, иди со мною полоскать бѣлье!

И я шелъ вслѣдъ за нею и самымъ добросовѣстнымъ образомъ полоскалъ хоботомъ въ водѣ бѣлье. Она имѣла обыкновеніе бить по бѣлью валькомъ. Я бралъ у нея изъ рукъ валекъ и такъ начиналъ

... Я жался къ матери.

зкрашивало мнѣ жизнь. Я тоже былъ очень привязанъ къ своей воспитанницѣ и очень скучалъ въ тѣ часы, когда не видѣлъ ее со-всѣмъ. Два раза въ мѣсяцъ, взявъ съ собой бѣлье всей своей семьи, она ходила на рѣчку его полоскать. Проходя мимо меня, она всякій разъ обращалась ко мнѣ со словами:—

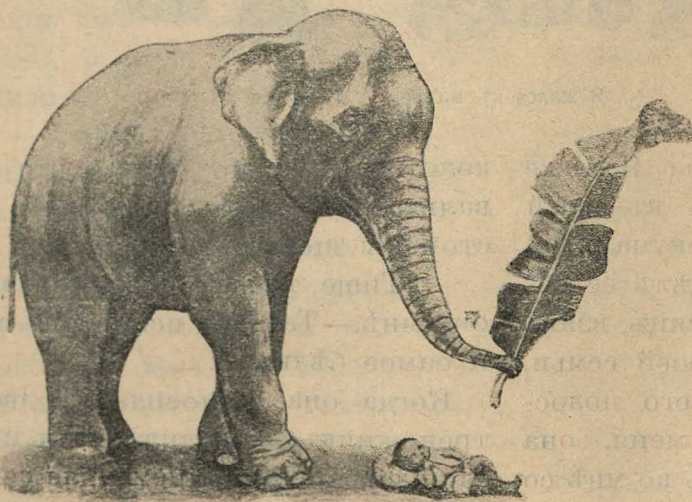
колотить имъ по бѣлью, что отъ валька иной разъ летѣли во всѣ стороны щепки.

— Тихе, тихе, Биджи! говорила она мнѣ.—Такъ ты испортишь мнѣ и самое бѣлье.

Когда она выносила на дворъ треножникъ, разводила огонь и начинала варить на немъ для семьи обѣдъ, то я снималъ шумовкой пѣ-

ну, набѣгавшую на супѣ отъ мяса, мѣшала ложкой кашу изъ риса, чтобы она не пригорѣла, и подкладывала въ огонь дровъ. Когда ей трудно было сбить масло, то я болталъ сливки въ кувшинѣ такъ, что масло свертывалось въ немъ въ какіе-нибудь четверть часа. Я пасъ буйволовъ и овецъ ея отца Джури и дѣлалъ это такъ, какъ не смогла-бы сдѣлать этого даже самая умная собака. Я выгонялъ ихъ въ поле, водилъ ихъ на водоной, окатывалъ ихъ изъ хобота водой, когда было жарко, отгонялъ отъ нихъ вѣткой мухъ и, когда вечерѣло, приводилъ ихъ всѣхъ домой. Когда Джури затѣялъ строить себѣ новый домъ, то я пилилъ ему бревна... Однимъ словомъ, въ семьѣ моего хозяина не было такого дѣла, въ которомъ я не принималъ-бы участія, какъ членъ семьи.

Шестнадцати лѣтъ Нури была

Я исполнялъ это съ усердіемъ самой лучшей няньки.

выдана замужъ и ее увезли куда-то далеко. Я остался одинъ и заскучалъ. Меня некому уже было ласкать и я пересталъ уже стирать бѣлье, снимать съ бульона пѣну и мѣшать ложкой рисовую кашу въ котелкѣ. Вскорѣ затѣмъ пришли къ Джури какіе-то люди, уплатили ему деньги за меня и увели меня съ собой. Они посадили меня затѣмъ на пароходъ и привезли въ какой-то большой городъ. Здѣсь стояли англійскія войска. Я скоро понялъ, что меня отдали въ военную службу, потому что на мнѣ стали возить громадныя, тяжелыя пушки, заставляли меня маршировать съ другими такими-же слонами, какъ и я, и приучали насъ къ выстрѣламъ. Однажды, когда я маршировалъ въ какомъ-то парадѣ, я среди зрителей, стоявшихъ въ сторонкѣ и смотрѣвшихъ на англійскихъ солдатъ, увидѣлъ вдругъ Нури. Она стояла со своимъ мужемъ, слушала военную музыку и глядѣла на парадъ. Когда я проходилъ мимо нея, волоча за собою тяжелую пушку и неся на своей спинѣ двѣ другія пушки поменьше, она обратилась къ своему мужу и сказала:

— Точно такой-же былъ и мой Биджи! Какой это былъ прекрасный, преданный слонъ!

Я хотѣлъ закричать ей, что это именно я, ея Биджи, но какъ я могъ это сдѣлать? Я помахалъ ей хоботомъ, похлопалъ ей ушами, но она такъ и не поняла меня, и насъ погнала дальше.

На военной службѣ я прослужилъ около десяти лѣтъ, а затѣмъ мнѣ отпилили клыки, продали ихъ за большія деньги, какъ слоновую кость, и обезображеннаго, некрасиваго, похудѣвшаго отъ непосильной работы и отъ недоѣданія, продали какому-то индусу, который шесть лѣтъ возилъ на мнѣ тяжести. Мой новый хозяинъ былъ больной человѣкъ, вѣчно принимавшій какія-то лекарства, и когда онъ умеръ, то меня привели на берегъ моря, посадили на пароходъ, привезли въ Европу и съ тѣхъ поръ я уже ни разу не выходилъ изъ звѣринца. Ты видишь, на чемъ я здѣсь долженъ спать? Цѣлые дни съ утра и до вечера, любопытная публика пристаётъ ко мнѣ со своими глупыми угощеніями и требованіями, чтобы я сдѣлалъ то или другое. Музыка, эти трубы и барабаны, звучать у меня въ ушахъ даже по ночамъ, когда звѣринецъ пустѣетъ и въ немъ гасятъ огни. Этотъ запахъ отъ множества звѣрей, томящихся здѣсь въ клѣткахъ, удушаетъ меня. Ревъ львовъ и тигровъ не даетъ мнѣ спокійно уснуть. Я прикованъ здѣсь цѣпью за ногу къ стѣнѣ и хожу только тогда, когда звѣринецъ переѣзжаетъ въ другой городъ и меня

ведутъ на вокзалъ. А когда наступаетъ ночь, то изъ-подъ пола вылѣзаютъ крысы, которыя кусаютъ меня въ подошвы. Какъ тебѣ нравится эта жизнь?

Жирафъ молчалъ. На улицѣ дулъ вѣтеръ и гналъ передъ собою цѣлая облака сыпучаго снѣга. Сквозь досчатые стѣны звѣринца вѣтеръ проникалъ съ улицы внутрь, заносилъ въ балаганъ снѣжинки и было холодно такъ, что нельзя было согрѣться, и звѣри забивались въ уголки своихъ клѣтокъ и жалобно стонали.

— Что же ты молчишь? снова обратился къ жирафу слонъ. — Развѣ тебѣ нравится эта жизнь?

Жирафъ глубоко вздохнулъ и снова ничего не отвѣтилъ. Онъ подумалъ о своей Африкѣ, гдѣ теперь свѣтило ласковое солнце и гдѣ не было такъ тяжело, какъ здѣсь.

Въ углу, въ темнотѣ, кто-то изъ звѣрей болѣзненно закашлялъ.

— Боже мой, Боже мой, раздался вдругъ чей-то голосъ. — Когда-же наконецъ кончится эта моя несчастная, страдальческая жизнь!

Это вздыхала больная обезьяна. Ей въ отвѣтъ что-то пробормоталъ полусонный попугай и гдѣ-то въ другомъ углу замыкала дикая кошка. А затѣмъ въ звѣринцѣ снова водворилась тишина.

А на улицѣ попрежнему злилась метель, и вѣтеръ гналъ передъ собою снѣжныя облака.

С. Вершининъ.

УЖЪ РАМЫ ВСТАВИЛИ...

Ужъ рамы вставили и вязкой,
По всѣмъ щелямъ, со всѣхъ сто-
ронъ,
Мы ихъ обмазали замазкой
И сразу смолкъ на церкви звонъ.

Всѣ звуки какъ-то вдругъ застыли,
И стало тихо такъ у насъ,
Какъ будто мы сидимъ въ бутылѣ,
Какъ будто вдругъ нашъ слухъ
погасъ.

И стало въ комнатахъ уныло...
Теперь въ саду ужъ не играть...
Какъ жаль всего того, что было!
Какъ лѣта хочется опять!

Ирисъ.

БЕЗЪ МАТЕРИ.

ПОВѢСТЬ.

Когда-то, лѣтъ тридцать тому назадъ, усадьба генеральши Войницкой находилась всего въ двухъ верстахъ отъ города, но съ тѣхъ поръ между имъ и ею настроились фабрики, появились цѣлыя улицы и большіе дома, и усадьба совершенно слилась съ городомъ. Правда, въ ней по прежнему распѣвали соловьи и паркъ сталъ еще гуще и тѣнистѣе, но каждое утро слышались фабричныя гудки и проходили мимо цѣлыя толпы рабочихъ. Въ то время, какъ около фабрикъ шла трудовая, дѣятельная жизнь, въ усадьбѣ жили богато, не нуждались ни въ чемъ и не заботились о завтрашнемъ днѣ. Не считая прислуги, въ ней жили только два человѣка: самъ гене-

ральша Войницкая и ея маленькій внучекъ—восемилѣтній Боря. Какъ и въ былыя времена, штатъ прислуги былъ большой, мамки, няньки и разные буфетные мужики и лакеи наполняли собою флигеля, и домъ представлялъ собою полную чашу. Несмотря на большое количество прислуги, Боря жилъ одинъ, скучалъ, ему не съ кѣмъ было играть и цѣлые дни онъ проводилъ въ паркѣ или въ большомъ, необъятномъ домѣ и бродилъ, какъ сонная муха. У него было множество игрушекъ, но онъ ими не игралъ, у него была няня, но онъ зналъ наизусть всѣ ея сказки, а бабушка была для него вовсе неинтересна; она часто оглядывала его со всѣхъ сторонъ,

чисто-ли онъ одѣтъ, дѣлала замѣчанія ему и всей прислугѣ и Боря зналъ, что всѣ ея боялись.

— Отчего мнѣ такъ скучно? часто обращался онъ къ бабушкѣ или къ нянѣ и всякій разъ получалъ всегда одинъ и тотъ - же отвѣтъ:

— Это оттого, что у тебя нѣтъ сверстниковъ. Вотъ если-бы у тебя былъ маленькій братишка, то тогда тебѣ было-бы веселѣй.

— Отчего-же его у меня нѣтъ?

— Такъ Богу угодно!.. Очень ужъ рано скончались твои папа и мама и ты остался сиротой.

И мальчикъ продолжалъ ходить по парку или по комнатамъ и все время думалъ:

— Боженька, пошли мнѣ маленькаго братишку!.. Мнѣ такъ скучно одному!

На самомъ краю города въ двухъ верстахъ отъ усадьбы, въ одномъ изъ сумрачныхъ переулковъ, стоялъ большой трехэтажный домъ, состоявшій изъ множества комнатъ и маленькихъ квартиръ. Когда-то въ немъ были богатые квартиры, а теперь онъ былъ биткомъ населенъ разной рабочей нищетой... Одну изъ квартиръ занималъ служившій на фабрикѣ конторщикъ Кривцовъ. Онъ былъ вдовъ и имѣлъ двухъ дѣтей: дѣвочку Вѣру отъ перваго брака и трехлѣтняго мальчика Бусю. Буся былъ отъ второй жены Кривцова; его имя было Глѣбъ, но для ласки и для сокращенія его звали Глѣ-

бусей или просто Бусей. Въ тотъ моментъ, съ котораго начинается этотъ рассказъ, Вѣра одѣвала Бусю, чтобы идти съ нимъ гулять. Кривцова не было дома и въ его отсутствіе дѣти были предоставлены самимъ себѣ. Отсутствие вотчима всегда было для Вѣры праздникомъ. Она такъ его боялась, что дрожала отъ одного его голоса. Она знала, что онъ былъ хорошій, честный человекъ, трудившійся съ утра и до вечера, но для нея было совершенно не по силамъ выносить его выговоръ. А для выговора всегда находилась причина: то Кривцову казалось, что комната была выметена недостаточно чисто, то, что Буся плохо умытъ или одѣтъ. Вѣра никогда и не рассчитывала на его ласку, потому что, какъ помнила себя, всегда считала себя дурой и не расторопной. Отсутствіе Кривцова всегда втайнѣ наполняло ея душу радостью, а въ этотъ ласковый солнечный, яркій сентябрьскій день, когда она одѣвала Бусю, чтобы вести его гулять, ей почему-то было особенно весело. Она собиралась съ нимъ на бульваръ. Она любила деревья, траву, ясное, голубое небо, щебетавшихъ въ вѣтвяхъ птицъ и заранѣе предвкушала удовольствіе прогулки.

— Вотъ мы сейчасъ одѣнемся, говорила она Бусѣ,—и пойдемъ гулять!

Она взяла его за руку, и они вмѣстѣ вышли на улицу. Толстень-

Неожиданно вывелся утёнокъ.

...иногда ...
...она ...
...иногда ...

Въ морѣ.

кій, румяный карапузикъ, Буся обращалъ на себя всеобщее вниманіе. Это былъ прелестный мальчикъ, похожій на херувима, и всѣ на него заглядывались.

Когда они пришли на чахлый, городской бульваръ съ вытоптанной травой, то Вѣра выбрала укромный уголокъ, гдѣ травы было побольше, и посадила на нее Бусю.

— Сиди здѣсь, играй! сказала она и, сама еще дитя,—достала изъ кармана сахарную веревочку и стала черезъ нее прыгать.

И вдругъ около нея раздался чей-то тоненькій голосокъ:—

— Можно мнѣ поцѣловать этого мальчика?

Вѣра быстро оставила свою игру.

Передъ Бусей стояла дѣвочка лѣтъ десяти и тянула уже губы, чтобы поцѣловать Бусю.

— Цѣлуй, если только у тебя губы чистыя, отвѣтила Вѣра.— Оботри ихъ сначала!

Дѣвочка отерла губы рукавомъ и звонко чмокнула Бусю въ щеку.

— Я и еще разъ? сказала она.— Можно?

— Ну, цѣлуй! отвѣтила Вѣра.— А ты кто такая?

— Я? Меня зовутъ Клаша! Я сегодня была въ церкви и слышала тамъ, какъ батюшка говорилъ о дѣтяхъ. Онъ рассказывалъ тамъ, что когда къ Иисусу Христу подходили дѣти, то кто-то хотѣлъ ихъ отъ Него отогнать. Но Христосъ всѣхъ ихъ собралъ около себя, сталъ ихъ ласкать и сказалъ:— „Не отгоняйте

ихъ. Имъ принадлежитъ царствіе небесное“!.. И мнѣ такъ вдругъ захотѣлось ласкать маленькихъ дѣтей!

Вѣра задумалась.

Она знала, что гдѣ-то на небѣ существуетъ царство небесное, въ которомъ растутъ золотыя яблочки, и всегда поютъ ангелы. Тамъ сейчасъ находится и ея покойная мать. Это царство небесное иногда ей снилось и казалось ей всегда совершенно недостижимымъ. И вдругъ эта Клаша говоритъ сейчасъ, что оно принадлежитъ дѣтямъ и, слѣдовательно, и ей, такъ какъ и она, въ сущности, была еще только дитя.

— А ты не врешь? спросила она.

— Нѣтъ, отвѣтила Клаша.— Это говорилъ самъ батюшка. Онъ даже прочиталъ это по книжкѣ. Спроси хоть у моей мамы,—вонъ она сидитъ! Мы были вмѣстѣ сегодня!

Вѣра задумалась. Клаша поцѣловала еще разъ Бусю въ щеку и убѣжала къ матери. Буся игралъ травой и опавшими листьями, совершенно не нуждался въ томъ, чтобы его занимали, а Вѣра сидѣла около него, не замѣчала вокругъ себя ничего и вся ушла въ думы о раѣ и о своей покойной матери. Она еще помнила ее. Если-бы ея мать была жива, то быть можетъ, Вѣрѣ жилось-бы легче. Ея мать была родомъ изъ деревни. Она приѣхала въ городъ, когда Вѣрѣ было уже восемь лѣтъ, и привезла съ собою оттуда лю-

бовъ къ полямъ, лѣсамъ и высокому голубому небу. Она была сирота и жила съ маленькой Вѣрой въ городѣ на мѣстѣ. Когда къ ней присватался Кривцовъ, то она была уже больная и вышла за него только для того, чтобы ея маленькая дочь не осталась безъ хлѣба.

чтобы онъ не беспокоилъ отца; кромѣ того, на ней лежало все хозяйство. Она должна была и сбѣгать въ лавку и приготовить для вотчима обѣдъ и убирать комнату. Но она все это исполняла безропотно, и когда выпадала для нея хоть одна свободная минутка, то

— Можно мнѣ поцѣловать этого мальчика?

Но Кривцовъ мало занимался своей падчерицей, а когда родился Буся и вскорѣ-же послѣ этого умерла и мать Вѣры, то положеніе дѣвочки стало просто невыносимо. Она превратилась въ няньку. Она положительно не досыпала ночей, сидя у колыбели своего братишки или стараясь унять его плачь,

она любила предаваться мечтамъ о лѣсахъ, о полѣ и о деревенскомъ просторѣ, о которыхъ рассказывала ей когда-то мать. Она вѣрила, что мать ея была въ раю, такъ какъ такія женщины не могутъ быть не тамъ,—и въ ея воображеніи рай представлялся ей именно такимъ, какою рисовала ей мать

деревню, то-есть съ широкими полями, засѣянными волнующейся, золотистой рожью, съ темными тѣнистыми лѣсами, въ вѣтвяхъ которыхъ щебечуть счастливыя птицы, и съ садами, въ которыхъ спѣютъ золотыя яблочки.

И вдругъ эта дѣвочка Клаша сказала ей, что этотъ рай принадлежитъ дѣтямъ! Неужели-же это вѣрно? Неужели-же рай принадлежитъ и ей? Нѣтъ, этого не можетъ быть! Вѣра слишкомъ для этого глупа и ничтожна и все равно ее вотчимъ туда не пустить. Но самая мысль о раѣ и о возможности увидѣться тамъ съ матерью была для Вѣры настолько пріятна, что ее вдругъ властно и неудержимо потянуло въ церковь, чтобы услышать о раѣ и самой. Ахъ, какъ давно уже она не была въ церкви! Да и когда ей? Развѣ можно оставлять Бусю одного? А если пойти съ нимъ, то какъ оставить квартиру? Что, если вотчимъ возвратится домой безъ нея?

И чѣмъ болѣе она думала, тѣмъ все больше и больше ее тянуло къ еще невѣдомому для нея деревенскому простору.

„Вотъ бы сейчасъ къ мамѣ на родину!“ думала она. — „Или въ рай...“

Стало смеркаться. Тамъ, гдѣ заходило солнце, сначала была ярко красная полоса, а потомъ она погасла, затуманилась и вдругъ какъ-то сразу стало сыро и прохладно.

Пора уже была возвращаться домой.

Когда они пришли, то отецъ уже былъ дома. Онъ сидѣлъ хмурый у стола и о чемъ-то думалъ.

— Давайте ѣсть!.. сказалъ онъ.

У Вѣры было готово уже все, только нужно было разогрѣть. Она зажгла керосинку и поставила на нее супъ. Затѣмъ она переодѣла Бусю, покормила его яйцомъ и манной кашей и снова принялась за разогрѣваніе. Пока она суетилась около керосинки и стола, уставшій отъ свѣжаго воздуха Буся пошелъ въ другую комнату, взобрался на кровать и заснулъ.

— Скоро? спросилъ отецъ — Я сегодня вечеромъ уѣзжаю! Меня посылаютъ за товаромъ въ Москву!

— Сейчасъ, сейчасъ!.. испугалась Вѣра и еще больше засуетилась у керосинки.

Кривцовъ поѣлъ, прочиталъ дешевенькую газетку и ушелъ. Вѣра вздохнула съ облегченіемъ. Теперь она надолго останется одна и, значить, можетъ на свободѣ думать о деревенскомъ просторѣ и объ раѣ. И она сѣла въ уголокъ и стала думать...

И вдругъ на сосѣдней церкви зазвонили ко всенощной. Она встрепенулась. Что, если она сбѣгаетъ сейчасъ на одну только минутку въ церковь и послушаетъ тамъ, какъ батюшка будетъ читать о дѣтяхъ, которымъ принадлежитъ рай?

Она оглядѣлась по сторонамъ.

Отца не было, Буся крѣпко спалъ. Послѣ прогулокъ онъ всегда спалъ долго и крѣпко, такъ что она успѣла-бы во-время вернуться домой. И, набравшись какой-то новыи, невѣдомой ей раньше рѣшимости, она заперла спальню, въ которой находился Буся, на ключъ, чтобы ея маленькій братишка куда-нибудь безъ нея не ушелъ, и, не заперевъ за собой самой квартиры, побѣжала въ церковь.

„Можетъ быть, безъ меня возвратится папа“, подумала она,— „такъ онъ не будетъ ждать и войдетъ“...

Кривцовъ занималъ квартиру въ три небольшихъ комнаты, которыя такъ были расположены, что могли, каждая въ отдѣльности, сдаваться жильцамъ. Поэтому въ каждой изъ нихъ было по двѣ двери. По всей вѣроятности, въ этихъ комнатахъ жили когда-то богатые люди, но теперь онѣ были запущены и сдавались внаймы бѣднякамъ. Однѣми дверьми онѣ соединялись между собою, а другими выходили въ общій корридоръ. Когда Вѣра запираетъ въ спальнѣ Бусю, чтобы онъ не ушелъ, то она совершенно упустила изъ виду, что дверь изъ этой спальни, выходящая въ корридоръ, была вовсе не заперта.

Пока она стояла въ церкви и ожидала, что вотъ-вотъ батюшка начнетъ читать о раѣ и о дѣтяхъ, вернулся домой отецъ. Онъ не зналъ, что Буся спалъ въ сосѣд-

ней комнатѣ, и, найдя квартиру незапертой, подумалъ, что Вѣра съ Бусей пошли къ кому-нибудь изъ сосѣдей. Онъ сѣлъ на диванъ и сталъ опять читать газету. Прождавъ дѣтей съ полчаса, онъ снова вышелъ, а въ это время Буся проснулся. Онъ спрыгнулъ съ кровати и побѣжалъ къ двери въ сосѣднюю комнату, но она оказалась запертой.

— Вѣра, отопри! Отопри! закричалъ онъ.— Я уже проснулся!

Но ему никто не отозвался. Въ удивленіи, что Вѣры нѣтъ, онъ сталъ чисто по-дѣтски ломиться въ дверь, но она не поддавалась. Тогда онъ сталъ громко плакать, но и его плача не услышалъ никто. Не зная что дѣлать, и испугавшись одиночества, онъ сталъ метаться по комнатѣ.

— Вѣра, Вѣра! кричалъ онъ.— Я уже всталъ! Отопри! Буся кушать хочетъ!

Но ему попрежнему не отпираетъ никто. Въ щель между поломъ и дверью, выходящей въ корридоръ, свѣтился огонь. Значитъ, въ темномъ корридорѣ зажгли уже лампу и, слѣдовательно, тамъ есть люди. Буся отодвинулъ отъ двери стулъ и взялся за щеколду. Дверь въ корридоръ подалась. Теперь онъ былъ свободенъ. Онъ вышелъ въ корридоръ и оглядѣлся по сторонамъ: въ немъ не было никого. Сбоку зіяла внизъ лѣстница. По этой лѣстницѣ Вѣра водила Бусю гулять и бѣгала въ

лавочку одна. Вѣроятно, она побѣжала туда и теперь, иначе она не оставила-бы его одного.

— „А что, если я пойду ее встрѣчать?“ мелькнуло у него въ головѣ.

И онъ подошелъ къ лѣстницѣ и, ступенька за ступенькой, сталъ спускаться внизъ. Вотъ уже второй этажъ, вотъ первый,— а вотъ уже и улица. Еще сравнительно, свѣтло, все видно и на блѣдномъ небѣ блеститъ узенькій, рогатый мѣсяць. Гзадъ и впередъ идутъ прохожіе, ѣдутъ извозчики и никому нѣтъ дѣла до того, что тутъ же, по тротуару, бредетъ маленькій человѣчекъ, который приглядывается къ прохожимъ и старается увидать среди нихъ свою сестру.

Онъ все идетъ и идетъ, а Вѣра все не попадаетъ ему на встрѣчу, — и ему уже начинаетъ становиться страшно, онъ уже хочетъ вернуться назадъ, но не знаетъ, какъ это сдѣлать и куда идти, сворачиваетъ вправо, потомъ влѣво потомъ опять вправо — и наконецъ сбивается съ пути. Его маленькія ножки уже устали, еле его несутъ, но онъ старается не давать себѣ воли и все бѣжить и бѣжить... И чѣмъ долѣе онъ бѣжитъ, тѣмъ пространство, отдѣляющее его отъ дома, становится все больше и больше и тѣмъ безнадежнѣе дѣлается возвращеніе Буси домой. Теперь онъ ужъ заблудился совсѣмъ и ему остается только

одно — это остановиться и начать плакать, но Вѣра всегда говорила ему, что плакать нехорошо, и онъ сдерживаетъ наворачивающіяся слезы и продолжаетъ все дальше и дальше отходить отъ дому.

Вернувшись изъ церкви, Вѣра застала вотчима дома. Онъ укладывалъ вещи въ чемоданъ и увязывалъ въ дорогу постель. Окончивъ, онъ заходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и сталъ самъ съ собой что-то вычислять:

— Во столько-то часовъ я доѣду до Нижняго... говорилъ онъ.— Тамъ я проведу съ недѣлю. Потомъ я отправлюсь далѣе въ Москву... Тамъ я заживусь, потому что у меня будетъ много дѣла... Я беру съ собой столько-то денегъ... Этого мнѣ хватитъ на столько-то времени...

И, увидѣвъ Вѣру, онъ сразу строго спросилъ:

— Гдѣ ты была?

Она не рѣшилась сказать ему, что была въ церкви, и отвѣтила:

— Тутъ, у сосѣдки...

— А гдѣ Буся?

— Спитъ въ той комнатѣ...

— Разбуди его, а то онъ не будетъ спать ночь! Я хочу съ нимъ проститься...

Вѣра отперла дверь, вошла въ спальню, да такъ и остолбенѣла. Кровать была пуста. По отворенной въ корридоръ двери она поняла, что онъ вышелъ.

— Его здѣсь нѣтъ! въ ужасѣ воскликнула она.

— Гдѣ же онъ? спросилъ вотчимъ.

Вѣра выбѣжала въ корридоръ, обѣжала всѣхъ сосѣдей, выскочила на улицу, но Буси не было нигдѣ. Сердце у ней оборвалось, колѣнки дрожали — и ей казалось, что земля каждую минуту готова выскользнуть у нея изъ-подъ ногъ и она упадетъ и лишится чувствъ. Всѣ, къ кому только она ни обращалась съ вопросомъ о Бусѣ, отвѣчали ей незнаніемъ и, все еще не вѣря, что онъ можетъ пропасть, она вернулась наконецъ домой. Вотчимъ ожидалъ ея возвращенія и, повидимому, тоже былъ встревоженъ.

— Гдѣ же Буся? спросилъ онъ.

— Не знаю... едва она имѣла силъ произнести.

— Кто-жъ знаетъ?

Она закрыла руками лицо и не отвѣтила. Онъ измѣрилъ ее строгимъ взглядомъ и, надѣвши фуражку и пальто, отправился на поиски самъ.

Она зашла за перегородку, сѣла на кровать и стала горько плакать. Наплакавшись досыта, она сняла башмаки и чулки, чтобы не испачкать одѣяло, подсунула голову подъ подушку и, какъ это часто случается съ дѣтьми, нечаянно заснула.

Когда она проснулась, то было уже совсѣмъ темно. Въ сосѣдней комнатѣ свѣтился огонь. Она вспомнила о Бусѣ, вся затрепетала и соскочила съ кровати. Не-

ужели Буся не тамъ? Неужели онъ еще не возвратился назадъ? Но нѣтъ, этого не можетъ быть! Онъ уже нашелся и вѣроятно сидитъ сейчасъ на колѣняхъ у отца и тербитъ ему бороду. Какъ это она проспала?

И она вышла въ сосѣдную комнату. Ея вотчимъ сидѣлъ у стола и думалъ. Буси около него не было. Значитъ, мальчикъ еще не возвращался. Чувство безграничной виноватости вдругъ овладѣло всѣмъ существомъ Вѣры, она опустила передъ вотчимомъ на колѣни, закрыла руками лицо и зарыдала.

— Папа, сказала она, гдѣ нашъ Буся? Прости меня, я никогда больше не буду!

Онъ поднялся съ мѣста, приподнялъ ее съ полу, взялъ ее за плечи и выпроводилъ ее въ другую комнату.

— Уходи, уходи!.. сказалъ онъ, — Ты мнѣ мѣшаешь своими слезами! Пойди, поищи его у сосѣдей! Не можетъ же быть, чтобы онъ пропалъ!

Все еще не отнимая рукъ отъ лица, Вѣра зашлепала босыми ногами по корридору и стала спускаться съ лѣстницы.

Передъ нею открывался городъ. Было темно, горѣли уже фонари и то тамъ, то здѣсь гудѣли фабричные гудки. Она поглядѣла направо, потомъ налево — и побрела, куда глядѣли ея глаза. При Бусѣ жизнь въ этомъ домѣ еще пред-

ставляла собою для нея интересъ, она безумно любила этого мальчика, а теперь, когда онъ такъ неожиданно потерялся, и при этомъ по ее винѣ, она уже не ждала для себя впереди ничего.

А тѣмъ временемъ, напрасно прождавши ихъ обоихъ, вотчимъ

А Вѣра въ это время брела по улицѣ.

О, если-бы только найти дорогу въ рай! Съ какимъ-бы наслажденіемъ она побѣжала туда и рассказала-бы обо всемъ своей покойной матери!

Она шла и думала о раѣ, а въ

Она закрыла руками лицо и зарыдала.

одѣлся и уѣхалъ, не простившись, на вакзалъ. Въ его отсутствіе о дѣтяхъ всегда обыкновенно заботилась старушка - сосѣдка, проживавшая въ комнатѣ въ одномъ и томъ же корридорѣ. Кривцовъ зашелъ передъ отъѣздомъ къ ней и, какъ бывало уже не разъ, поручалъ ей надзоръ за дѣтьми и уѣхалъ.

это время маленькій Буся уже находился въ полной безопасности и чувствовалъ себя такъ, точно все, что съ нимъ случилось, произошло во снѣ, или же въ прекрасной волшебной сказкѣ.

Когда онъ вышелъ изъ дому, то въ это время Боря бѣгалъ одинъ по своему громадному парку, выходившему къ рѣкѣ, и

— Бабушка, бабушка!.. закричал онъ, задыхаясь отъ волненія.—Посмотри, что я нашель!

все думалъ, почему ему такъ тоскливо? Его бабушка генеральша Войницкая сидѣла у себя въ будуарѣ, няня Степановна была чѣмъ-то занята въ дѣтской, изъ дома во флигель и изъ флигеля въ домъ то и дѣло, шурша юбками, перебѣгали горничныя, а онъ, Боря, все время былъ одинъ и долженъ былъ цѣлыми часами играть самъ съ собою.

— Какая скука!.. говорилъ онъ. — Отчего это такъ скучно одному?

Вечерѣло. Отъ рѣки тянуло прохладой, и отъ начавшихъ уже желтѣть деревьевъ шелъ осенній запахъ. Дымъ отъ фабрикъ протянулся по небу и, точно вуалью, затянулъ то мѣсто, гдѣ зашло солнце. Издалека слышался шумъ большого города.

„Пора уже въ комнату...“ подумалъ Боря.

И вслѣдъ затѣмъ изъ окна дѣтской раздался голосъ няни: — Боря! Иди! Гдѣ ты? Уже пора!

Боря откликнулся и побрелъ вдоль желѣзной рѣшетки парка къ дому. По ту сторону ея шла дорога, но теперь она была уже пуста, такъ какъ въ этотъ часъ по ней не ѣздили и не ходили никто.

И вдругъ, когда Боря находился у самой рѣшотки, изъ-за нея послышался тоненькій дѣтскій голосокъ:

— А я здѣсь!

Боря вздрогнулъ отъ неожидан-

ности и посмотрѣлъ сквозь рѣшотку.

По ту сторону ея стоялъ маленькій, трехлѣтній мальчикъ.

— Какъ тебя зовутъ? спросилъ онъ.

— Буся... отвѣтилъ мальчикъ.

— Ты чей?

— Не знаю... Папинъ!

— А гдѣ твой папа?

Буся неопредѣленно показавъ на тонувшій въ сумеркахъ городъ.

— Тамъ!.. отвѣтилъ онъ.

У Бори отъ радости засверкали глаза. Неужели въ этомъ мальчикѣ Богъ послалъ ему братишку?

И не помня себя отъ радости, онъ выбѣжалъ за ворота, схватилъ Бусю на руки и, насколько хватало у него силъ, побѣжалъ съ нимъ въ домъ.

— Бабушка, бабушка!.. закричалъ онъ, задыхаясь отъ волненія и отъ усталости и вбѣгая къ генеральшѣ въ будуаръ. — Посмотри, что я нашелъ!

Бабушка сидѣла въ это время у стола и что-то разыскивала въ рабочей шкатулкѣ.

Увидѣвъ передъ собою Бору съ ребенкомъ на рукахъ, она въ удивленіи подняла руки.

— Что это такое? спросила она. — Откуда ты это принесъ?

Онъ торжественно, съ видомъ героя, подошелъ къ ней и спустилъ передъ ней Бусю на полъ.

— Теперь мнѣ уже больше не будетъ скучно, отвѣтилъ онъ. — Это мой маленькій братишка!

— Откуда ты его взялъ? — Я его сейчасъ нашелъ на дорогѣ около нашей рѣшотки! — такой хорошенькій ребенокъ, что она не удержалась и крѣпко его поцѣловала.

Генеральша встревожилась и вскочила съ мѣста. Но Буся былъ А затѣмъ во всемъ домѣ начались хлопоты и бѣготня. К. Тр.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЛАБИРИНТЪ.

У древнихъ грековъ была сказка слѣдующаго содержанія.

Жилъ-былъ когда-то царь Эгей. У него былъ сынъ Тезей. Это былъ прекрасный, сильный юноша, который совершалъ различные

богатырскіе подвиги, и Эгей не могъ на него налюбоваться.

Однажды между греками и жителями острова Крита произошла война. Царь Эгей потерпѣлъ поражение, долженъ былъ признать

себя побѣжденнымъ и обязался платить критянамъ дань.

Въ то время на островѣ Критѣ былъ царемъ Минъ. Невдалекѣ отъ его столицы жило чудовище Минотавръ. Оно обитало въ громадномъ дворцѣ, въ такомъ громадномъ, что, войдя въ него, каждый могъ заблудиться. И всякій, кто попадалъ случайно въ этотъ дворецъ, запутывался въ его длинныхъ, безконечныхъ коридорахъ, никогда уже не могъ найти изъ нихъ выхода и уже оставался въ этомъ дворцѣ навѣки. Здѣсь его находилъ Минотавръ, разрывалъ его на части и съѣдалъ.

Этотъ громадный дворецъ назывался Лабиринтъ.

Когда греки вмѣстѣ со своимъ царемъ Эгеемъ были побѣждены, то критскій царь Минъ присудилъ ихъ къ тяжелой дани: черезъ каждыя девять лѣтъ греки должны были присылать Минотавру въ Лабиринтъ по семи прекрасныхъ юношей и по семи дѣвушекъ.

Дѣлать было нечего, и греки должны были покориться. Они съ грустью отправили эту ужасную дань Минотавру въ первый разъ и во второй. Едва только дѣвушки и юноши вступали въ Лабиринтъ, какъ они запутывались въ его коридорахъ и попадались въ лапы къ Минотавру.

Въ третій разъ греки отказались посылать своихъ сыновей и дочерей на островъ Критъ. Имъ было жаль разстаться съ ними и было

стыдно, что молодые люди погибали такой безславной смертью.

Тогда критскій царь Минъ потребовалъ присылки этой дани въ третій разъ.

— Ни за что на свѣтѣ! воскликнулъ царь Эгей.—Пусть лучше я погибну самъ, но не дамъ больше на съѣденіе этому чудовищу моихъ дорогихъ юношей и дѣвицъ!

Но его сынъ Тезей сталъ упрашивать его, чтобы онъ въ послѣдній разъ отправилъ дань на островъ Критъ и въ числѣ юношей, обреченныхъ на съѣденіе Минотавру, включилъ и его.

— Но вѣдь ты мой единственный сынъ! отвѣтилъ ему Эгей.— Съ кѣмъ я останусь безъ тебя?

Тезей пообѣщалъ ему уничтожить Минотавра и освободить грековъ отъ позорной дани и, скрѣпя сердце, отецъ отпустилъ его.

— Я буду ждать твоего возвращенія дни и ночи, сказалъ ему отецъ,—я буду стоять на берегу, на скалѣ, и глядѣть, когда на горизонтѣ покажется вашъ корабль. Если ты избѣжишь смерти и уничтожишь Минотавра, то поставь на кораблѣ вмѣсто чернаго паруса бѣлый,—и я буду знать, что ты живъ.

Тезей простился съ отцомъ и вмѣстѣ со своими спутниками отправился на островъ Критъ. Они по обычаю поставили черный парусъ въ знакъ траура и поплыли къ Минотавру.

На утро они прибыли къ острову Криту. Вотъ засинѣли издали горы, вотъ уже и столица царя Мина, а вонъ и громадный, мрачный Лабиринтъ. Здѣсь живетъ ужасный Минотавръ.

Подходятъ солдаты, берутъ юношей и дѣвушекъ съ корабля и ведутъ ихъ къ воротамъ Лабиринта. Они плачутъ и имъ жаль разстаться съ жизнью. Одинъ только Тезей веселъ и подбодряетъ другихъ.

— Мужайтесь, мужайтесь! говорить онъ.—Мы выберемся отсюда живыми!

Навстрѣчу имъ попадается дѣвушка-критянка. Видя печальныхъ юношей и дѣвицъ, она сама печалится и начинаетъ плакать.

— Кто ты? спрашиваетъ ее Тезей.

— Я—Ариадна, отвѣчаетъ она.—Я дочь здѣшняго царя Мина. Мнѣ жаль васъ и я хотѣла бы вамъ помочь.

— Какъ же ты это сдѣлаешь?—спрашиваетъ ее Тезей.

Ариадна отводитъ Тезея въ сторону и даетъ ему клубокъ нитокъ.

Когда войдешь въ Лабиринтъ, говорить она ему,—то кати все время передъ собой этотъ клубокъ, чтобы онъ разматывался по дорожкѣ. Когда ты дойдешь до Минотавра и убьешь его, то по этой ниткѣ сможешь найти дорогу обратно и не погибнешь въ Лабиринтъ.

Тезей поблагодарилъ ее, оста-

вилъ юношей и дѣвицъ у входа и вошелъ въ Лабиринтъ одинъ. При входѣ онъ привязалъ къ порогу конецъ нитки и, двигаясь по ней все впередъ и впередъ, постепенно разматывалъ свой клубокъ. Такъ онъ добрался до самой середины Лабиринта, сразился съ Минотавромъ и убилъ его.

Теперь оставалось только найти дорогу изъ Лабиринта обратно. Но это было уже легко сдѣлать. Онъ шелъ теперь по тѣмъ коридорамъ, по которымъ тянулася оставленная имъ по пути нить, и такимъ образомъ выбрался изъ Лабиринта обратно. Его ожидали юноши и дѣвушки съ нетерпѣніемъ и не вѣрили своимъ глазамъ, что видѣли его живымъ и здоровымъ.

Между тѣмъ въ Греціи уже ожидали съ замираніемъ сердца возвращенія корабля Тезея. Герой общалъ отцу, въ случаѣ благоприятнаго исхода дѣла, поднять на кораблѣ бѣлый парусъ.

Но молодые люди такъ обрадовались своему избавленію отъ смерти, что позабыли это сдѣлать. Такъ парусъ на кораблѣ и остался черный.

Завидѣвъ на горизонтѣ корабль съ чернымъ парусомъ, царь Эгей подумалъ, что погибъ его единственный сынъ, и съ горя бросился со скалы въ море. Тамъ онъ и нашелъ свой конецъ. Отъ того и море это получило названіе Эгейскаго.

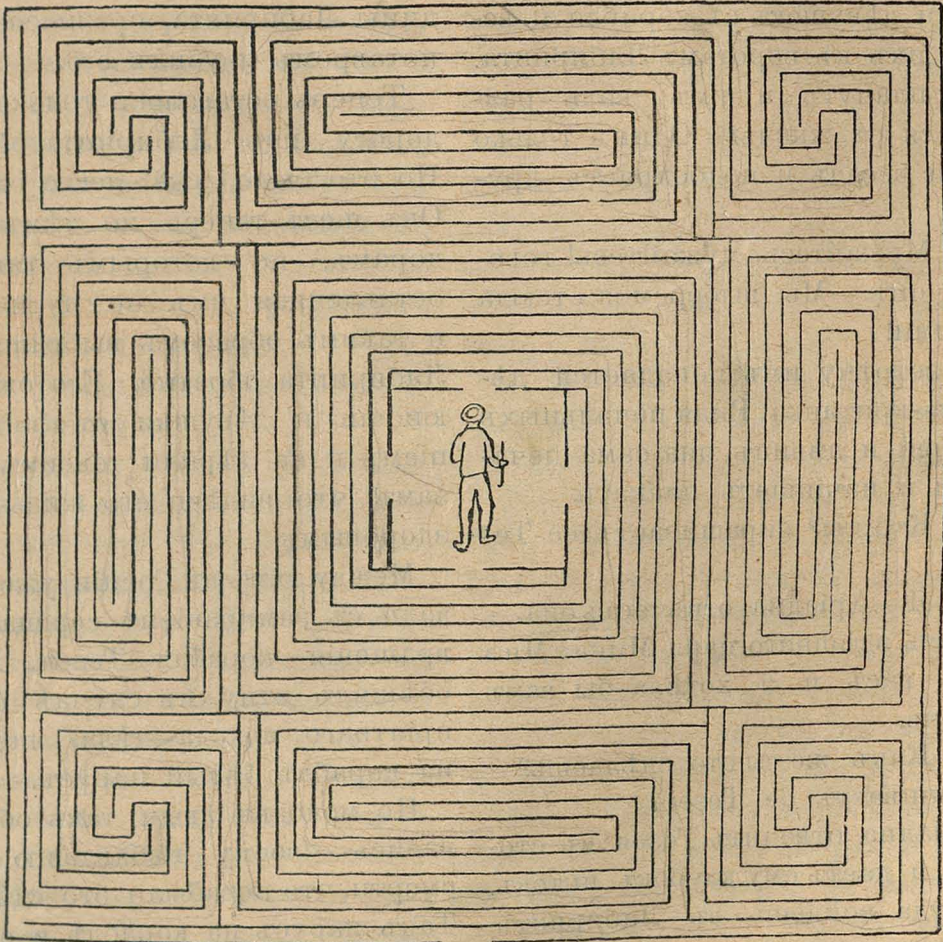
Тезей занялъ престолъ своего отца, и Греція освободилась отъ позорной дани навсегда.

Здѣсь нарисованъ планъ предполагаемаго Лабиринта. Въ самомъ центрѣ его, гдѣ человекъ,

находился Минотавръ. Внизу обозначенъ входъ.

Войти въ этотъ входъ и добраться до середины Лабиринта.

Попробуйте это сдѣлать. Быть можетъ, вамъ удастся. Ф.

ГОЛОВЛОМКИ.

I.

„Однажды мы были въ зоологическомъ саду. Тамъ плавалъ въ бассейнѣ лебедь, и кругомъ ходили

другія птицы. Вблизи, въ аквариумѣ, ползаль ракъ, плавали ерши и щука. Мы должны были везти нашу сестренку въ колясочкѣ, по-

тому что она скоро устала. Съ такой поклажей мнѣ одному было тяжело, колясочка была громоздка, какъ возъ, я едва тащилъ ее за дышло, но мы всѣ вмѣстѣ въ него впряглись и, посмотрѣвши, отправились обратно домой.“

Подчеркнуть въ этомъ отрывкѣ нѣкоторыя слова и составить изъ нихъ первыя строки извѣстной басни Крылова.

II.

Шуточный вопросъ: Подъ какимъ зонтикомъ можно укрыться отъ дождя?

III.

Шарада - загадка: Мое первое — слѣдующая загадка: „Маленькій, горбатенькій, все поле обскакалъ, домой прибѣжалъ, всю зиму пролежалъ.“ *серь*

Мое второе — тоже загадка: „На головѣ улитка слушать очень притка; каждый звѣрь вертитъ ею, а человекъ не можетъ.“ *ухе*

Мое третье — одинъ изъ предлоговъ, находящихся въ этой самой фразѣ.

Все вмѣстѣ — городъ въ центральной Россіи. Какой это городъ?

IV.

Задуманное слово состоитъ изъ двѣнадцати буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12.

Буквы 10. 11. 3. 5. 12 — означа-

ютъ названіе хлѣбнаго растенія. 11. 10. 5. 4. 12 — произведение насѣкомаго, 11. 10. 8. 10. 7. 10. 5. 12 — то, на чемъ носятъ воду, 4. 10. 9. 10. 11. 1 — домашнее животное, 2. 3. 8. 10. 4. 10. 2. 12 — судно, необходимое въ морѣ зимой, 11. 1. 4. 5. 6 — то, что даетъ блескъ, 2. 10. 7. 8. 10. 7. 12 — очень большой городъ за границей, 11. 10. 9. 10. 7. 12 — птицу, 8. 3. 9. 3. 11. 10 — растеніе, 8. 9. 10. 11. 1 — то, что изъ этого растенія готовятъ. 4. 6. 5. 4. 1 — головной уборъ.

Найти эти слова и задуманное слово, которое означаетъ названіе русскаго историческаго города недалеко отъ Москвы.

V.

Задуманы три слова, означающія:

1. Скопленіе рогатыхъ животныхъ.

2. То, безъ чего нельзя чисто одѣваться.

3. Драгоценный металлъ.

Отъ cadaго изъ этихъ словъ взять по послѣднему слогу и составить изъ нихъ новое слово, означающее столярный инструментъ.

Какія слова задуманы и какой это инструментъ?

VI.

Шуточный вопросъ: Отъ чего именно послѣ третьяго звонка отходитъ поѣздъ? *отъ станціи.*

Ребусъ № 2.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ головоломки или ребусъ, будутъ напечатаны).

Рѣшеніе головоломокъ и ребуса № 24, помѣщенныхъ въ № 24 «Золотого Дѣтства».

Головоломки: I, Колесо, Сало, Муравей = Соловей. II, Корова, Осель, Шоколадъ, Курица, Арбузь = Кошка. III, По рельсамъ. IV, голо+ва (голова), спи+на (спина), ру+ка (рука), чело..., ...ноги..., ...ухо, ...гла+за (глаза), но+съ (носъ), гу+бы (губы), ...уста, ...ще+ка (щека).

Ребусъ № 24. Лѣ+ томъ + у + ре + киска + мышь + а + ми + си + д + ели + рыба + ки и ужи + на + ли = Лѣтомъ у рѣки съ камышами сидѣли рыбаки и ужинали.

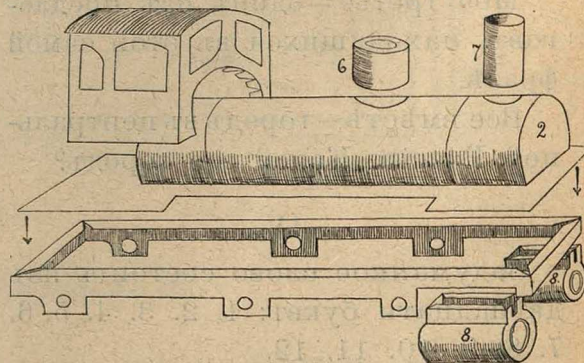
Вторныя рѣшенія прислали: С. Введенскій, Л. Зерцалова, Э. и В. Петровы, Геля изъ Одессы, Э. Додонова, К. Кузнецовъ, III. Вайсбрютъ, Г.

ТРИ КНИГИ за 1 руб. 60 к.

съ пересылкой:

1. „Дружокъ и Дюмка“.
2. „Найдехышь и подкидышь“.
3. „Англійскія сказки“.

Выписывать можно открытымъ письмомъ изъ Редакціи журнала „Золотое Дѣтство“, Петроградъ, Каменноостровскій просп., 26.

Локомотивъ. Способъ склеиванія приложенія къ этому номеру. Оси сдѣлать изъ палочекъ. Точно такъ-же склеивается и тендеръ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1916 годъ.

на художественно-литературный журналъ
для дѣтей (7—12 лѣтъ).

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 въ годъ номера).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Журналъ отличается внѣшнимъ изяществомъ и тщательно подобраннымъ содержаниемъ. Давая подписчикамъ въ 1915—1916 году цѣлый рядъ интересныхъ приложений, редакція задалась цѣлью доставить имъ полезныя и разумныя занятія и развить въ нихъ вкусъ ко всему изящному.

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій, дѣти въ «Золотомъ Дѣтствѣ» найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы шарады, и проч. и проч.

При каждомъ номерѣ приложения въ краскахъ: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно выбранное содержаніе „Золотого Дѣтства“.

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

- 24** НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство, въ красивыхъ обложкахъ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
- 12** КАРТИНЪ для украшенія дѣтской.
- 12** ИГРЪ для дѣтей.
- 24** ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (домики, автоматы, мебель, экипажи и проч. и проч.).

Особое приложение для годовыхъ подписчиковъ:

Книга съ иллюстраціями:

„БРАТЪ И СЕСТРА“.

Книга эта будетъ прочтена дѣтьми не разъ съ захватывающимъ интересомъ.

Головоломки и ребусы, помѣщаемые въ «Золотомъ Дѣтствѣ», являются интереснымъ развлеченіемъ для дѣтей, приучающимъ ихъ ориентироваться въ царствѣ смекалки.

Имѣемъ отзывы, что по содержанію и изящной внѣшности „Золотое Дѣтство“ является однимъ изъ лучшихъ дѣтскихъ журналовъ въ Россіи.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія бібліотеки городскихъ училищъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ 4 р. 80 к., на полгода—2 р. 40 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», Петроградъ, Каменноостровский проспектъ, 26, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петрограда.

4 р. 80 к.

Редакторъ—Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.